

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(1): 494-502
 DOI: 10.13187/bg.2023.1.494

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Images of the Future of Russia in the Narrative of the Largest Liberal Parties of the early 20th century

Pavel S. Seleznev ^{a, *}, Nikolay A. Ponomarev ^b, Viktor V. Titov ^a, Stanislav P. Mitrahovich ^a

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^b Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract

This study is devoted to the issue of the practice of constructing images of the future by Russian liberal parties of the early XX century. The purpose of the work is to evaluate the effectiveness of the corresponding value-semantic constructs. The methodology of the work is built on the basis of a combination of elements of structural and comparative analysis. The source base of the study was formed through the use of unpublished office documents of the Cadets and Octobrists deposited in the funds of the State Archives of the Russian Federation. The authors come to the conclusion that both the Cadets and the Octobrists were able to construct complex and three-dimensional images of the future, which were the result of attempts to offer a rational solution to the most pressing issues of contemporary Russian society. As a result, these images of the future turned out to be suitable for perception by the elites and the intelligentsia, but were of little relevance to the task of popularization among the masses. The messages developed by the liberals were distinguished by relatively low affectivity, the complexity of discourse, and the presence of significant barriers to perception. At the same time, we are not talking about conceptual, but rather methodological, instrumental shortcomings. As part of the political promotion of their messages, the parties focused on the educated part of society, the elite and, in general, the “managing class” of the empire. Unlike the leftists, anarchists, nationalists, and right-wing conservatives, both the Cadets and the Octobrists failed to compactly set out the elements of their images of the future in a system of laconic slogans, the use of which would enable the mechanism of emotional contagion among the broad masses to be set in motion. It should also be noted that a number of fundamental theses that formed the foundation of these images of the future contradicted (in the medium term) the basic trends in the development of the socio-political process. These images were formed during the period of a large-scale rise of extremist movements, due to which the level of trust between society and the authorities was relatively low, as a whole indicator of the consolidation of society and the degree of readiness of its various strata for a constructive dialogue. The images of the future proposed by the Cadets and Octobrists could have been much more popular in the previous period, but the specific historical context of the era objectively minimized the potential for their dissemination.

Keywords: liberals, Cadets, Octobrists, image of the future, agrarian question, labor question, national question.

1. Введение

Исследуя конкуренцию между политическими партиями в России в начале XX в., эксперты традиционно большое внимание уделяют их программным установкам и сопутствующим внутренним

* Corresponding author

E-mail addresses: seleznevpavel@gmail.com (P.S. Seleznev), sharukin87@yandex.ru (N.A. Ponomarev), titov-msu@mail.ru (V.V. Titov), SPMitrahovich@fa.ru (S.P. Mitrahovich)

дискуссиям. Однако в большинстве случаев воздействие соответствующих меседжей на общественное сознание исследовалось в не вполне релевантном ключе с точки зрения методологии. Условная «правильность» и привлекательность партийных программ оценивались на основе постзнания, без учета специфики политического восприятия и идентичности разных социальных групп, преимущественно на рациональной основе и вне контекста корректирующего воздействия эмоционального фактора. Коммуникация между партиями и их аудиторией фактически выстраивалась на поле символической политики, в рамках которой партии презентовали в заведомо упрощенной (и потому общедоступной) форме варианты решения актуальных проблем сквозь призму конкретных символов и связанных с ними ценностей и смыслов.

Одним из главных элементов борьбы партий в рамках реализации символической политики являлся позитивный образ будущего: система представлений о том, к каким последствиям должна привести полноценная реализация программы конкретной политической силы. В конечном счете именно привлекательность образа будущего выступала в качестве главного фактора, определявшего партийные предпочтения социальных групп. Победа большевиков осенью 1917 г. во многом была обусловлена именно тем, что большевистская партия смогла предложить основным стратам общества привлекательные для них меседжи, компактно и доступно изложенные в комплексе лаконичных лозунгов с глубоким эмоциональным наполнением, в то время как ее оппоненты пытались выстроить сложную и сугубо рациональную систему аргументов в поддержку своей позиции.

Исследование образов будущего, сформированных российскими партиями на протяжении рассматриваемого периода, служит ключом к комплексному пониманию сущностных причин успехов и неудач основных политических акторов в рамках борьбы за симпатии масс.

При этом наибольший интерес для исследователей представляют образы будущего, сконструированные либеральными партиями. С одной стороны, важно учитывать, что именно либеральные партии выступали именно с реформистских позиций, в то же время избегая политического экстремизма и стремясь достичь общественного консенсуса, т.е. использовали сугубо конструктивный подход к решению накопившихся в обществе противоречий. С другой стороны, следует учитывать, что социальную основу указанных партий составляли в основном выходцы из различных страт элиты, благодаря чему их позиция отображала взгляды и устремления значительной части истеблишмента.

В качестве конкретного эмпирического кейса исследования нами были выбраны две наиболее многочисленные и влиятельные либеральные партии – кадеты и октябристы.

2. Материалы и методы

Источниковая база представленного исследования была сформирована за счет привлечения ранее не введенных в научный оборот документов – материалов из фондов «Союза 17 октября» (Ф. 115) и кадетской партии (Ф. 523), хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации (Москва, Российская Федерация).

В первом случае авторами были использованы стенограммы партийных съездов и переписка относительно подготовки к ним, тезисы докладов делегатов, протоколы совещаний и отчеты о деятельности ЦК, материалы бюро пропаганды, отчеты о работе комиссий парламентской фракции октябристов. Во втором случае для написания работы привлекались протоколы заседаний парламентской фракции и ее совещаний с представителями местных отделений партии, проекты резолюций, доклады о программе и тактике партии, а также отчеты и доклады Центрального комитета кадетов, тезисы и резолюции докладов партийных конференций.

Методологической основой исследования стал комплекс методов, включающий в себя элементы структурного, системного и сравнительного анализа. Структурный анализ позволил выделить ключевые элементы в образах будущего двух партий. Системный анализ дал возможность выстроить взаимосвязи между отдельными элементами партийных образов будущего, реконструировав каждый из них в виде динамического механизма. Применение сравнительного анализа позволило сопоставить сконструированные партиями образы будущего, выделив внутри них специфические и общие черты.

3. Обсуждение

В дореволюционной историографии заявленная тема исследовалась преимущественно в ключе политической полемики между партиями. При этом она закономерно изучалась вне контекста теории символической политики (которая на тот момент пребывала в стадии становления). Также следует отметить, что ключевые элементы образов будущего изучались по большей части бессистемно: они рассматривались в отрыве друг от друга, вне контекста возможной синергии либо же при их освещении наблюдалась выраженная диспропорция, заданная спецификой интересов автора. Также исследователи зачастую предпочитали ограничиваться достаточно узкими хронологическими рамками, привязывая исследование, например, к периоду работы конкретного созыва Госдумы (Балашев, 1915; Белокопский, 1907; Вараксин, 1912; Васильев, 1907; Винавер, 1907; Езерский, 1907; Локоть, 1907; Львович, 1906; Мартынов, 1914; Милуков, 1916; Мышцин, 1906; Пасхалов, 1911).

В советской историографии соответствующая проблематика была раскрыта на освещении широкого пласта архивных материалов. Однако исследователи были вынуждены следовать историографической традиции, заданной официальной идеологией. Помимо того, советские авторы, как правило, игнорировали концептуальные разработки коллег в области символической политики (Аврех, 1985; Аврех, 1989; Волобуев и др., 1989; Галай, 1991; Гиндин, 1963; Граве, 1926; Дякин, 1988; Комин, 1965; Лаверычев, 1967; Спирин, 1977; Стальной, 1929; Черменский, 1970; Шацилло, 1985; Шепелев, 1987).

В современный период тема исследовалась на основании более объективного подхода, а также с использованием более разнообразного теоретико-методологического инструментария. Однако зачастую авторы интерпретировали источниковый материал с учетом постзнания. Также следует отметить наличие в некоторых исследованиях влияния социально-политической конъюнктуры в рамках дискуссии о наследии и роли революций начала XX в. (Иванов, 2003; Кирьянов, 2006; Кувшинов, 1997; Леонов, 1999; Сиземская, 1993; Шелохаев, 1996).

4. Результаты

Архитектуру образа будущего, созданного и продвигаемого октябристами, во многом обуславливала специфика социальной структуры «Союза 17 октября». Ядро данной партии формировали представители дворянства, настаивавшие на необходимости ускорения темпов политической и социально-экономической модернизации России, и крупные коммерсанты. Последнее автоматически ставило партию в уязвимое положение. С одной стороны, она не имела достаточно широкой социальной базы, с другой – многие представители «базовых» сословий партии (в особенности консервативно настроенные дворяне) демонстрировали отрицательное отношение к «Союзу 17 октября», воспринимая его членов едва ли не как политических экстремистов. При этом левые и леволиберальные оппоненты активно занимались стигматизацией партии в публичном пространстве. В частности, В.И. Ленин, используя тактику «наклеивания ярлыков», обозначал октябристов как «партию дельцов», лидеры которой с безразличием относятся к интеллигенции, заинтересованы в усилении эксплуатации рабочих масс и чужды всякому демократизму (Сиземская, 1993: 135; Спирин, 1977: 54).

Наличие столь значимых проблем в плане политического позиционирования вынудило партию выстраивать свой позитивный образ будущего в рамках концепции демократического солидаризма. Октябристы настаивали на том, что один лишь переход к конституционной монархии не может обеспечить России социальный мир и в целом возникновение благоприятных условий для развития страны и государства. Парадигмальным условием успеха модернизации в России, по мнению лидеров октябристов, являлась гармонизация взаимоотношений между властью и обществом: народ и государство должны были перестать воспринимать друг друга как враждебные, чуждые структуры. Достичь этого, как считали идеологи партии, можно было лишь посредством компромиссных реформ (ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 13. Л. 71; Шепелев, 1987: 93). Их суть заключалась в следующем.

Во-первых, государственный строй России предполагалось трансформировать, придав ему форму дуалистической монархии, в рамках которой император, сохраняя обширные полномочия, выступал бы в роли медиатора, согласовывающего интересы разных социальных и политических групп и пресекающего проявления корпоративного эгоизма. Последнее предполагало, что без согласия императора принятые парламентом законы не могут вступить в силу. Также октябристы настаивали на том, что монарх должен обладать правом по собственной воле назначать и смещать министров. Парламент в рамках данной системы мог бы отстранить от власти главу какого-либо из государственных ведомств лишь при условии придания его предварительно суду за совершение уголовного преступления (ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 13. Л. 234об.; Леонов, 1999: 34).

Данная система организации власти, безусловно, могла обеспечить высокую эффективность работы государственного аппарата, но требовала обязательного выполнения одного условия: монарх должен был по собственной воле отказаться от ценностей самодержавия, идеи сакральности царской власти и идентифицировать себя в равной степени со всеми социальными группами. Однако такая модель поведения полностью противоречила сложившимся ранее политическим традициям и воспитанию, полученному Николаем II (ГАРФ. Ф. 115. Оп. 2. Д. 11. Л. 27, 33; Лаверычев, 1967: 71). Таким образом, по крайней мере образованная и политически активная часть общественности должна была осознавать, что предложенная октябристами модель дуалистической монархии объективно возможна, но субъективные обстоятельства минимизируют шансы на ее построение при нынешнем монархе. Помимо того, следует учитывать, что для периода начала XX в. в целом был характерен процесс десакрализации фигуры монарха как среди элит, так и на уровне широких масс. При этом данный процесс усиливал негативный информационный фон, порожденный как поражением в войне с Японией, так и эксцессами в ходе подавления революционного движения. В результате сохранение реальных полномочий в руках монарха не придавало образу будущего октябристов дополнительную привлекательность в глазах большинства населения (что наглядно продемонстрировали итоги выборов в Государственную Думу I и II созыва) (ГАРФ. Ф. 115. Оп. 2. Д. 11. Л. 146-147; Кирьянов, 2006: 59).

Во-вторых, октябристы настаивали на необходимости придания государственному аппарату национально-ориентированного и прогрессистского характера. Данный элемент их программных установок нашел отражение в лозунге «За единую и неделимую Россию». Последнее предполагало необходимость придания понятию «русский» не этнического, а гражданского характера. Все подданные императора, согласно данной концепции, должны были официально считаться русскими и обладать одинаковым набором политических и гражданских прав. Единственной территорией, за которой октябристы признавали право на автономию, являлось Великое княжество Финляндское. Данный подход, безусловно, заключал в себе существенный конструктивный потенциал. Однако партия не смогла логически развить его, предложив привлекательные для широких масс решения в плане решения языкового вопроса, борьбы с экстремистскими националистическими организациями, дискриминации представителей конкретных этносов по конфессиональному признаку (в силу существования официальной религии), создания единого культурного поля в виде всеобщей образовательной среды, унификации применения воинской повинности и т.д. (ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1. Л. 27об.; Дякин, 1988: 81).

В-третьих, октябристы признавали стратегическое значение для страны аграрного вопроса, признавая требования относительно увеличения крестьянских наделов справедливыми и экономически обоснованными. Решать соответствующие проблемы партия предлагала за счет раздачи заброшенных государственных земель при помощи создания особых комитетов, создания программы приобретения частных земель при помощи Крестьянского банка, переселения в другие регионы России и, в качестве крайней меры, возмездного отчуждения части помещичьих земель (ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1. Л. 27; Локоть, 1907: 14). Одновременно подчеркивалась острая необходимость увеличить производительность крестьянского труда, в том числе – за счет разрушения общины. Отдельно следует отметить, что, по признанию лидеров октябристов, соответствующая агитация не нашла должного отклика среди крестьян, которые были более склонны поддерживать аграрные проекты социалистов. Последнее, вероятнее всего, было обусловлено экономическим фактором. Следует помнить о том, что даже в 1913 г., т.е. уже после реформ П.А. Столыпина, доля бедняцких хозяйств в деревне составляла 65 %, у 30 % отсутствовали даже лошади. Таким образом, большинство крестьян не могли позволить себе покупку земли даже на льготных условиях. Равным образом они не могли позволить себе инвестиций в развитие производства. Также уровень их платежеспособности детерминировал существенные риски даже в случае получения кредита на развитие хозяйства. Ситуацию усугублял низкий уровень грамотности и правовых познаний крестьянства. Наконец, следует помнить о том, что взывать выкупные платежи с бывших крепостных прекратили лишь в период революции 1905–1907 гг., на фоне чего необходимость снова платить за землю (значительная часть которой до реформы 1861 г. принадлежала тем же крестьянам) вызывала неприятие среди жителей деревни (ГАРФ. Ф. 115. Оп. 2. Д. 11. Л. 36об.; Езерский, 1907: 11; Кирьянов, 2006: 74).

Образ будущего октябристов предполагал также решение рабочего вопроса на основе принципа солидаризма. Партия предлагала законодательно ограничить максимальную продолжительность рабочего дня (но не до 8 часов), но лишь после проведения всестороннего парламентского исследования. Октябристы также отмечали необходимость запрета ночной работы для женщин и детей. Аналогичным образом партия соглашалась с предложениями ввести запрет на использование на производстве беременных женщин в период последних 6 недель перед родами (без лишения их зарплаты) (Винавер, 1907; ГАРФ. Ф. 115. Оп. 2. Д. 11. Л. 1-10б.). Помимо того, октябристы признавали необходимость государственного страхования рабочих по потере трудоспособности и старости, а также введения в России прогрессивной шкалы подоходного налога. В то же время внутри партии так и не был выработан единый подход к решению таких вопросов, как создание и функционирование профсоюзов, регулирование права на забастовки, существенный разрыв в оплате труда между сотрудниками фабрик и заводов, система штрафов на предприятиях и т.д. Таким образом, решение рабочего вопроса в рамках образа будущего октябристов носило половинчатый характер, что автоматически нивелировало его привлекательность для рабочей массы (Мышцин, 1906: 21; Пасхалов, 1911: 16).

Соответственно, выстроенный октябристами на основе принципа компромисса образ будущего не устраивал в полной мере широкие массы населения, и в первую очередь – самую многочисленную страту общества. И в то же время реализация октябристской модели солидаризма предполагала необходимость отказа управляющей части элиты от принципов сословного корпоративизма и приверженности классической форме самодержавия, в силу чего чисто субъективные факторы могли нивелировать эффективность функционирования обновленного государственного механизма. Как следствие, привлекательность образа будущего октябристов сокращалась в глазах интеллигенции и демократически настроенной части истеблишмента.

Образ будущего, созданный партией кадетов, представлял собой результат системы идей либералов и социалистов и во многом был основан на синтезе передового опыта зарубежных политических и экономических систем. Однако на представления лидеров партии об оптимальной модели развития России влияли представления о необходимости построения надклассового

государства и смены статуса россиян с подданных государства на его граждан. Достичь этого, по мнению кадетов, можно было лишь посредством ликвидации гражданского неравенства и системы гласных и неформальных привилегий чиновничества. Реализовать эти задачи партия намеревалась, подобно октябристам, в сугубо реформистском ключе, при этом предоставив элитам (в первую очередь выходцам из верхних слоев дворянства) гарантии соблюдения их стратегических интересов.

Кадеты настаивали на создании в России институциональных основ для классической парламентской монархии, близкой к британской модели, в рамках которой подавляющее большинство властных полномочий сосредотачивалось бы в руках правительства, подотчетного законодательному собранию. Данная позиция импонировала значительной части интеллигенции и предпринимательских кругов, а также в целом революционно настроенной общественности, но противоречила интересам и ценностным установкам высшей бюрократии, дворянской аристократии и в целом консервативно настроенных кругов (ГАРФ. Ф. 523. Оп. 2. Д. 253. Л. 1; Галай, 1991: 7). В то же время следует учитывать, что для значительной части широких масс населения дилемма форм конституционной монархии не имела особого значения: их представители придерживались, как правило, прагматического подхода в политике и готовы были поддержать любую власть, которая обеспечила бы раздел помещичьих земель между крестьянами и либерализовала рабочее законодательство. В силу этого аграрный и рабочий вопросы по своей значимости заметно перевешивали в глазах большинства жителей империи вопрос о политической модели устройства империи (Аврех, 1989: 101; Васильев, 1907: 12; ГАРФ. Ф. 523. Оп. 2. Д. 251. Л. 12).

В рамках решения национального вопроса кадеты настаивали на необходимости сохранения унитарного принципа государственного устройства, но в то же время поддерживали идею права народов на культурно-национальное самоопределение (проявлявшееся, помимо прочего, в использовании национальных языков в системе образования и судопроизводстве) и были принципиально готовы пойти на предоставление полноценной автономии (включавшей создание региональных парламентов) Финляндии и Польше. Также кадеты настаивали на необходимости обеспечить равноправие граждан независимо от их этнической и конфессиональной принадлежности. Последнее провоцировало агрессию в адрес партии со стороны правых партий и организаций, а также высшей бюрократии, однако не вызывало особого негатива со стороны широких масс населения. Рабочие, крестьяне и мещане испытывали интерес в первую очередь к вопросам, связанным с решением их корпоративных проблем, что усугублялось высоким уровнем развития локальных и региональных идентичностей (последнее проявилось особенно ярко в ходе революционных событий начала 1917 г. и массового дезертирства из армии в последующем) (ГАРФ. Ф. 523. Оп. 2. Д. 249. Л. 25; Мартынов, 1914: 17).

Как и октябристы, кадеты придавали первостепенное значение решению аграрного вопроса. Они выступали в том числе за использование при необходимости принудительного отчуждения земель у помещиков, но только при условии компенсации (которая, впрочем, должна была быть ниже рыночной стоимости). Однако в данном случае необходимо сделать ремарку: речь шла об изъятии земли в «необходимом количестве» для расширения крестьянских наделов. Методика расчета необходимого количества земли и соответствующие нормативы общественности так и не были представлены. Равным образом без детальной проработки остался вопрос о том, каким образом власти рассчитают и за счет каких средств и в каком объеме в итоге выплатят компенсацию за изъятые владения. Также следует отметить, что решать земельный вопрос предполагалось в первую очередь за счет изъятия государственных, удельных, кабинетских и монастырских земель, обращение к ресурсам помещичьих владений предполагалось лишь после исчерпания обозначенных фондов. Это автоматически настраивало против предложений кадетов представителей правящей фамилии, духовенства и высшей бюрократии. Важно указать и на то, что наделить новой собственностью планировали лишь безземельных и малоземельных крестьян. При том, что на участие в разделе помещичьих земель претендовали и середняки, и крупные собственники из числа крестьян. Внимания заслуживает и вопрос о позиции кадетов относительно механизма выработки конкретных форм решения аграрного вопроса. Согласно мнению лидеров и идеологов партии, методике решения аграрного вопроса следовало выработать в рамках двухуровневого обсуждения. На первом этапе соответствующие предложения поручалось выработать на уровне местных комитетов, в которых на паритетных началах были бы представлены крестьяне, помещики и сотрудники локальной администрации. Выработанные ими предложения предполагалось направить в главный земельный комитет, в состав которого предполагалось ввести ведущих специалистов по аграрному вопросу. Данный проект игнорировал целый ряд обстоятельств, на которые указывали в том числе его критики внутри партии. Во-первых, в большинстве случаев крестьяне испытывали недоверие как к помещикам, так и местной администрации, которое имело под собой вполне рациональную основу: как минимум еще с периода реформ Александра III центральные власти предпринимали значительные усилия по сближению дворянских сообществ и локального управленческого аппарата, рассматривая этот альянс как гарант социально-политической стабильности территории. Во-вторых, так и не были сформулированы четкие критерии отбора ведущих специалистов по аграрному вопросу. В-третьих, механизм формирования главного земельного комитета по большому счету

предполагал отсутствие прямого доступа в ряды его членов представителей самого крестьянства (ГАРФ. Ф. 523. Оп. 2. Д. 253. Л. 38-42; Львович, 1906: 15; Кувшинов, 1997: 42).

В рамках проектов решения рабочего вопроса кадеты настаивали на необходимости распространения норм фабричного законодательства на все виды наемного труда за пределами аграрного сектора (что обеспечивало им рост симпатии со стороны работников торговли, служащих ремесленных мастерских и приказчиков), постепенного перехода к 8-часовому рабочему дню и внедрения обязательного государственного страхования здоровья сотрудников (в рамках которого издержки гасились бы за счет собственника предприятия). Помимо того, кадеты акцентировали внимание на необходимости усиления надзора за выполнением норм трудового законодательства, в том числе в плане оперативности принятия городскими думами необходимых подзаконных актов. Одновременно представители партии заостряли внимание на том, что лакуны в законодательстве фактически лишали легальные профсоюзы возможности эффективно отстаивать права своих членов, что подталкивало промышленных рабочих к выбору в пользу экстремистских методов борьбы (Дякин, 1988: 97; Кувшинов, 1997: 78).

Соответственно, образ будущего кадетов был выстроен не столько на принципе солидаризма, сколько на основе признания возможности эффективной медиации противоречащих друг другу интересов разных социальных групп. При этом, в отличие от октябристов, кадеты были готовы пойти на достаточно ощутимое ограничение интересов элит, в первую очередь «старой» части истеблишмента в лице крупных землевладельцев, императорской фамилии и церкви. Однако, в отличие от октябристов, они хуже проработали такую составляющую образа будущего, как механизмы достижения желаемого состояния. Образ будущего октябристов был менее привлекателен для широких масс, однако его реалистичность вызывала вопросы: кадеты фактически декларировали намерение вынудить истеблишмент отказаться от части своих интересов парламентскими методами, в то время как формирование системы «третьеиюньской монархии» поставило под вопрос перспективы такой стратегии.

5. Заключение

В целом можно отметить, что как кадеты, так и октябристы сумели сконструировать комплексные и объемные образы будущего, представлявшие собой результат попыток предложить рациональное решение наиболее острых вопросов современного им российского общества. В итоге данные образы будущего оказались пригодны для восприятия элитами и интеллигенцией, но мало релевантны задаче популяризации среди масс. Выработанные либералами меседжи отличала сравнительно низкая аффективность, сложность дискурса, наличие значимых барьеров восприятия. При этом речь идет не о концептуальных, а скорее методических, инструментальных недостатках. В рамках политического продвижения своих меседжей партии ориентировались на образованную часть общества, элиты и в целом «управляющий класс» империи. В отличие от левых, анархистов, националистов и правых консерваторов, и кадеты, и октябристы не сумели компактно изложить элементы своих образов будущего в системе лаконичных лозунгов, использование которых позволило бы запустить действие механизма эмоционального заражения среди широких масс. Также следует отметить, что целый ряд основополагающих тезисов, формировавших фундамент данных образов будущего, противоречил (в среднесрочной перспективе) базовым трендам развития социально-политического процесса. Данные образы формировались в период широкомасштабного подъема экстремистских движений, в силу чего уровень доверия между обществом и властью был относительно низким, как в целом показатель консолидации социума и степень готовности разных его страт к конструктивному диалогу. Предложенные кадетами и октябристами образы будущего могли иметь куда большую популярность в предшествующий период, однако конкретноисторический контекст эпохи объективно минимизировал потенциал их распространения.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки РФ. Проект № 2022-0028 реализован в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

Литература

- Аврех, 1985 – Аврех А.Я. Распад третьеиюньской системы. М., 1985.
 Аврех, 1989 – Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М., 1989.
 Балашев, 1915 – Балашев И.П. Берегите Думу. Пг., 1915.
 Белоконский, 1907 – Белоконский И.П. Земское движение до образования партии народной свободы // *Былое*. 1907. № 10. С. 246-270.
 Вараксин, 1912 – Вараксин А. Царское самодержавие и Государственная Дума // *Голос долга*. 1912. № 5. С. 19-21.
 Васильев, 1907 – Васильев Н.П. Правда о кадетах. СПб., 1907.

- Винавер, 1907** – Винавер М.М. Конфликты в первой Думе. СПб., 1907.
- Волобуев и др., 1989** – Волобуев О.В., Миллер В.И., Шелохаев В.В. Непролетарские партии России: итоги изучения и нерешенные проблемы / Непролетарские партии России в трех революциях. М., 1989. С. 10-11.
- Галай, 1991** – Галай Ш. Конституционалисты-демократы и их критики // *Вопросы истории*. 1991. № 12. С. 3-14.
- Гиндин, 1963** – Гиндин И.Ф. Русская буржуазия в период капитализма, ее развитие и особенности // *История СССР*. 1963. № 2. С. 57-80.
- ГАРФ** – Государственный архив Российской Федерации.
- Граве, 1926** – Граве Б.Б. К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны. Июль 1914 г. – февраль 1917 г. Пролетариат и буржуазия. М.-Л., 1926.
- Дякин, 1988** – Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение третьенионской системы. Л., 1988.
- Езерский, 1907** – Езерский Н.Ф. Государственная дума первого созыва. Пенза, 1907.
- Иванов, 2003** – Иванов А.Е. В преддверии кадетской партии: Всероссийский союз деятелей науки и высшей школы / Власть и наука, ученые и власть. 1880–е – начало 1920–х годов. Материалы международного научного colloquium. СПб., 2003. С. 202-210.
- Кириянов, 2006** – Кириянов И.К. Российские парламентарии начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве. Пермь, 2006.
- Комин, 1965** – Комин В.В. Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий России в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1965.
- Кувшинов, 1997** – Кувшинов В.А. Кадеты в России и за рубежом (1905–1943 гг.). М., 1997.
- Лаверычев, 1967** – Лаверычев В.Я. По ту сторону баррикад. Из истории борьбы московской буржуазии с революцией. М., 1967.
- Леонов, 1999** – Леонов С.В. Партийная система России (конец XIX в. – 1917 год) // *Вопросы истории*. 1999. № 11–12. С. 29-48.
- Локоть, 1907** – Локоть Т.В. Политические партии и группы в Государственной думе: Характер и причины политического бессилия Первой думы. Возможный характер и задачи Второй думы. М., 1907.
- Львович, 1906** – Львович А. Партии и крестьянство в Государственной думе. Ростов-на-Дону, 1906.
- Мартынов, 1914** – Мартынов А. Конституционно-демократическая партия / Общественное движение в России в начале XX века. Т. III. Кн. 5. Партии – их состав, развитие и проявление в массовом движении, на выборах и в думе. СПб., 1914. С. 1-72.
- Милюков, 1916** – Милюков П.Н. Тактика фракции Народной свободы во время войны. Пг., 1916.
- Мышцин, 1906** – Мышцин В.Н. Политические партии и их идеалы. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1906.
- Пасхалов, 1911** – Пасхалов К. Погрешности обновленного 17 октября 1905 года государственного строя и попытка их устранения. М., 1911.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Сиземская, 1993** – Сиземская И.Н. Новый либерализм в России // *Общественные науки и современность*. 1993. № 5. С. 132-140.
- Спирин, 1977** – Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий. Начало XX в. – 1920 гг. М., 1977.
- Стальной, 1929** – Стальной В. Кадеты (конституционно-демократическая партия народной свободы). Харьков, 1929.
- Черменский, 1970** – Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. 2-е изд. М., 1970.
- Шаццлло, 1985** – Шаццлло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. М., 1985.
- Шелохаев, 1996** – Шелохаев В.В. Либералы и массы в годы Первой мировой войны // *Вопросы истории*. 1996. № 7. С. 130-137.
- Шепелев, 1987** – Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Л., 1987.

References

- Avrekh, 1985** – Avrekh, A.Ya. (1985). Raspad tret'eiyun'skoi sistemy [The collapse of the June 3rd system]. M. [in Russian]
- Avrekh, 1989** – Avrekh, A.Ya. (1989). Tsarizm nakanune sverzheniya [sarism on the eve of the overthrow]. M. [in Russian]
- Balashhev, 1915** – Balashhev, I.P. (1915). Beregite Dumu [Take care of Duma]. Pg. [in Russian]
- Belokonsky, 1907** – Belokonskii, I.P. (1907). Zemskoe dvizhenie do obrazovaniya partii narodnoi svobody [Zemskoe movement before the formation of the People's Freedom Party]. *Byloe*. 10: 246-270. [in Russian]

- Chermensky, 1970** – *Chermenskii, E.D.* (1970). Burzhuaziya i tsarizm v pervoi russkoi revolyutsii [The bourgeoisie and tsarism in the first Russian revolution]. 2-e izd. M. [in Russian]
- Dyakin, 1988** – *Dyakin, V.S.* (1988). Burzhuaziya, dvoryanstvo i tsarizm v 1911–1914 gg. Razlozhenie tret'eyun'skoi sistemy [Bourgeoisie, nobility and tsarism in 1911–1914 Decomposition of the June 3 system]. L. [in Russian]
- Ezerskii, 1907** – *Ezerskii, N.F.* (1907). Gosudarstvennaya дума pervogo sozyva [State Duma of the first convocation]. Penza, 203 p. [in Russian]
- Galai, 1991** – *Galai, Sh.* (1991). Konstitutsionalisty–demokraty i ikh kritiki [Constitutional Democrats and Their Critics]. *Voprosy istorii*. 12: 3-14. [in Russian]
- GARF** – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation].
- Gindin, 1963** – *Gindin, I.F.* (1963). Russkaya burzhuaziya v period kapitalizma, ee razvitiye i osobennosti [Russian bourgeoisie in the period of capitalism, its development and features]. *Istoriya SSSR*. 2: 57-80. [in Russian]
- Grave, 1926** – *Grave, B.B.* (1926). K istorii klassovoi bor'by v Rossii v gody imperialisticheskoi voiny. Iyul' 1914 g. – fevral' 1917 g. Proletariat i burzhuaziya [On the history of the class struggle in Russia during the years of the imperialist war. July 1914 - February 1917 Proletariat and bourgeoisie]. M.–L. [in Russian]
- Ivanov, 2003** – *Ivanov, A.E.* (2003). V preddverii kadetskoi partii: Vserossiiskii soyuz deyatelei nauki i vysshei shkoly [On the Eve of the Cadet Party: All-Russian Union of Scientists and Higher Education]. *Vlast' i nauka, uchenye i vlast'*. 1880–e – nachalo 1920–kh godov. Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma. SPb. Pp. 202-210. [in Russian]
- Kir'yanov, 2006** – *Kir'yanov, I.K.* (2006). Rossiiskie parlamentarii nachala XX veka: novye politiki v novom politicheskom prostranstve [Russian parliamentarians at the beginning of the 20th century: new politicians in a new political space]. Perm'. [in Russian]
- Komin, 1965** – *Komin, V.V.* (1965). Bankrotstvo burzhuaznykh i melkoburzhuaznykh partii Rossii v period podgotovki i pobedy Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii [Bankruptcy of the bourgeois and petty-bourgeois parties in Russia during the preparation and victory of the Great October Socialist Revolution]. M., 644 p. [in Russian]
- Kuvshinov, 1997** – *Kuvshinov, V.A.* (1997). Kadety v Rossii i za rubezhom (1905–1943 gg.) [Cadets in Russia and Abroad (1905–1943)]. M. [in Russian]
- Laverychev, 1967** – *Laverychev, V.Ya.* (1967). Po tu storonu barrikad. Iz istorii bor'by moskovskoi burzhuazii s revolyutsiei [On the other side of the barricades. From the history of the struggle of the Moscow bourgeoisie against the revolution]. M. [in Russian]
- Leonov, 1999** – *Leonov, S.V.* (1999). Partiinaya sistema Rossii (konets KhIKh v. – 1917 god) [The party system of Russia (the end of the 19th century – 1917)]. *Voprosy istorii*. 11–12: 29-48. [in Russian]
- Lokot, 1907** – *Lokot', T.V.* (1907). Politicheskie partii i gruppy v Gosudarstvennoi dume: Kharakter i prichiny politicheskogo bessiliya Pervoi dumy. Vozmozhnyi kharakter i zadachi Vtoroi dumy [Political parties and groups in the State Duma: The nature and causes of the political impotence of the First Duma. Possible character and tasks of the Second Duma]. M. [in Russian]
- L'vovich, 1906** – *L'vovich, A.* (1906). Partii i krest'yanstvo v Gosudarstvennoi dume [Parties and the peasantry in the State Duma]. Rostov-na-Donu. [in Russian]
- Martynov, 1914** – *Martynov, A.* (1914). Konstitutsionno–demokraticeskaya partiya [Constitutional Democratic Party]. Obshchestvennoe dvizhenie v Rossii v nachale XX veka. T. III. Kn. 5. Partii – ikh sostav, razvitiye i proyavlenie v massovom dvizhenii, na vyborah i v dume. SPb. Pp. 1-72. [in Russian]
- Milyukov, 1916** – *Milyukov, P.N.* (1916). Taktika fraktsii Narodnoi svobody vo vremya voiny [Tactics of the People's Freedom faction during the war]. Pg. [in Russian]
- Myshtsin, 1906** – *Myshtsin, V.N.* (1906). Politicheskie partii i ikh idealy. Svyato-Troitskaya Sergieva Lavra, 111 p. [in Russian]
- Paskhalov, 1911** – *Paskhalov, K.* (1911). Pogreshnosti obnovlennogo 17 oktyabrya 1905 goda Gosudarstvennogo stroya i popytka ikh ustraneniya [Errors of the State system updated on October 17, 1905 and an attempt to eliminate them]. M. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].
- Shatsillo, 1985** – *Shatsillo, K.F.* (1985) Russkii liberalizm nakanune revolyutsii 1905–1907 gg. [Russian liberalism on the eve of the revolution of 1905–1907]. M. [in Russian]
- Shelokhaev, 1996** – *Shelokhaev, V.V.* (1996). Liberaly i massy v gody Pervoi mirovoi voiny [Liberals and masses during the First World War]. *Voprosy istorii*. 7: 130-137. [in Russian]
- Shepelev, 1987** – *Shepelev, L.E.* (1987). Tsarizm i burzhuaziya v 1904–1914 gg. [Tsarism and the bourgeoisie in 1904–1914] L. [in Russian]
- Sizemskaya, 1993** – *Sizemskaya, I.N.* (1993) Novyi liberalizm v Rossii [New liberalism in Russia]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 5: 132-140. [in Russian]
- Spirin, 1977** – *Spirin, L.M.* (1977). Krusheniye pomeshchich'ikh i burzhuaznykh partii. Nachalo XX v. – 1920 gg. [The collapse of the landlord and bourgeois parties. Early 20th century – 1920s] M. 364 p. [in Russian]

- [Stal'nyj, 1929](#) – *Stal'nyi, V.* (1929) Kadety (konstitutsionno–demokraticeskaya partiya narodnoi svobody) [Cadets (constitutional–democratic party of people's freedom)]. Khar'kov. [in Russian]
- [Varaksin, 1912](#) – *Varaksin, A.* (1912). Tsarskoe samoderzhavie i Gosudarstvennaya Duma [Tsarist autocracy and the State Duma]. *Golos dolga*. 5: 19-21. [in Russian]
- [Vasiliev, 1907](#) – *Vasil'ev, N.P.* (1907). Pravda o kadetakh [The truth about the cadets]. SPb. [in Russian]
- [Vinaver, 1907](#) – *Vinaver, M.M.* (1907). Konflikty v pervoi Dume [Conflicts in the First Duma]. SPb., 184 p. [in Russian]
- [Volobuev i dr., 1989](#) – *Volobuev, O.V., Miller, V.I., Shelokhaev, V.V.* (1989). Neproletarskie partii Rossii: itogi izucheniya i nereshennye problem [Non-proletarian parties in Russia: results of the study and unresolved problems]. *Neproletarskie partii Rossii v trekh revolyutsiyakh*. M., pp. 10-11. [in Russian]

Образы будущего России в нарративе крупнейших либеральных партий начала XX в.

Павел Сергеевич Селезнев ^{a, *}, Николай Андреевич Пономарев ^b, Виктор Валериевич Титов ^a, Станислав Павлович Митрахович ^a

^a Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация

^b Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. Данное исследование посвящено вопросу о практике конструирования российскими либеральными партиями начала XX в. образов будущего. Цель работы заключается в оценке эффективности соответствующих ценностно-смысловых конструкторов. Методология работы выстроена на основе комбинации элементов структурного и сравнительного анализа. Источниковая база исследования сформирована за счет использования неопубликованных делопроизводственных документов кадетов и октябристов, отложившихся в фондах Государственного архива Российской Федерации. Авторы приходят к заключению, что как кадеты, так и октябристы сумели сконструировать комплексные и объемные образы будущего, представлявшие собой результат попыток предложить рациональное решение наиболее острых вопросов современного им российского общества. В итоге данные образы будущего оказались пригодны для восприятия элитами и интеллигенцией, но мало релевантны задаче популяризации среди масс. Выработанные либералами меседжи отличала сравнительно низкая аффективность, сложность дискурса, наличие значимых барьеров восприятия. При этом речь идет не о концептуальных, а скорее методических, инструментальных недостатках. В рамках политического продвижения своих меседжей партии ориентировались на образованную часть общества, элиты и в целом «управляющий класс» империи. В отличие от левых, анархистов, националистов и правых консерваторов, и кадеты, и октябристы не сумели компактно изложить элементы своих образов будущего в системе лаконичных лозунгов, использование которых позволило бы запустить действие механизма эмоционального заражения среди широких масс. Также следует отметить, что целый ряд основополагающих тезисов, формировавших фундамент данных образов будущего, противоречил (в среднесрочной перспективе) базовым трендам развития социально-политического процесса. Данные образы формировались в период широкомасштабного подъема экстремистских движений, в силу чего уровень доверия между обществом и властью был относительно низким, как в целом показатель консолидации социума и степень готовности разных его страт к конструктивному диалогу. Предложенные кадетами и октябристами образы будущего могли иметь куда большую популярность в предшествующий период, однако конкретно исторический контекст эпохи объективно минимизировал потенциал их распространения.

Ключевые слова: либералы, кадеты, октябристы, образ будущего, аграрный вопрос, рабочий вопрос, национальный вопрос.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: seleznevpavel@gmail.com (П.С. Селезнев), sharukin87@yandex.ru (Н.А. Пономарев), titov-msu@mail.ru (В.В. Титов), SPMitrahovich@fa.ru (С.П. Митрахович)